Кирилл Сирутис

Кирилл Сирутис

10 ошибок выжившего

«Автор»
2026

Сирутис К.

10 ошибок выжившего / К. Сирутис — «Автор», 2026

В пятнадцать лет Марк купил школьную тетрадь и вывел на обложке: «10 ошибок выжившего». В ту ночь, когда впервые понял, что выжил.Восемь лет спустя тетрадь всё ещё ведёт счёт. В ней — инструкция: считать всё, доверять ничему, никого не вносить в приход. Потому что в счёт вносят только то, что можно потерять. Марк — частный детектив в Стеклогорске, городе девятимесячного дождя. Он решает чужие тайны как уравнения: люди думают, что прячут тайны. Они их объявляют — иногда двумя гвоздиками и датой.Но в городе есть тот, кто тоже всё учит. Кто читал каждый лист этой тетради. Кто поливает сад, из которого не уходят должники. И однажды Марк понимает: его маршрут — не совпадение. Это ведомость, по которой он шёл восемь лет, не зная, что давно уже внесён в баланс.Друг говорит ему: ты не машина, ты человек. Он записывает это как ошибку 7: верить, что счетов на живых нет.Последнюю ошибку выживший запишет сам. Вслух. У горящей дачи. Со смеху.Роман о выживании — и о том, чего оно стоит.

© Сирутис К., 2026
© Автор, 2026

Кирилл Сирутис
10 ошибок выжившего

НАЗВАНИЕ: 10 ОШИБОК ВЫЖИВШЕГО
АВТОР: [ТВОЁ ИМЯ]

ГЛАВА 1. ОШИБКА №1: ВЕРИТЬ, ЧТО ВСЁ УЧТЕНО

Кабинет был тёмным, будто свет специально обходил его стороной. Настольная лампа бросала узкий круг жёлтого света на столешницу; всё остальное тонуло в полумраке. За спиной Марка висела старая картина — пейзаж с выцветшими красками, в котором уже нельзя было разобрать, лес там или поле. По бокам тянулись огромные архивные шкафы, набитые папками; корешки покрылись серой пылью. Слева — окно, за которым Стеклогорск сливался в серую кашу дождя: панельки с неровно горящими окнами, трамвай, воющий на подъёме, старый центр, где плитка треснула ещё при другой жизни. Перед столом — два жёстких стула. И дверь, которую Марк всегда держал в поле зрения.

Этот кабинет он снял над мебельным складом на задворках Заречья. Аренду платил наличными хозяину — мужчине, у которого не было привычки задавать вопросы. За это Марк прощал ему запах лака и скрип половиц.

В ящике стола, чуть левее, лежали патроны к РШ. Сам револьвер — матовый, тяжёлый, без украшений — покоился в соседнем отсеке. Марк не доставал его без нужды. Но знал, где он. Всегда.

Он сидел в кресле ровно — так, чтобы в любой момент можно было встать без лишней суеты. В руке — чашка чёрного, очень крепкого кофе. Он не пил его ради удовольствия. Кофе удерживал его в реальности, не давая мыслям рассыпаться. Каждый глоток был проверкой: «я здесь, я считаю, я готов».

Возле чашки лежала тетрадь. Обычная, школьная, сорок восемь листов — только куплена она была восемь лет назад, и обложка давно стала мягкой от воды и времени. На ней всё тем же неровным, дрожащим почерком пятнадцатилетнего мальчишки было выведено: «10 ОШИБОК ВЫЖИВШЕГО». Угол обложки обгорел — уже никто не помнил, от чего. Марк смотрел на эту надпись каждый день. Она не была названием дела и не была шуткой. Это была инструкция, которую он написал сам себе в ту ночь, когда впервые понял, что выжил.

Ему было двадцать три. Восемь лет назад он вышел из квартиры на окраине Стеклогорска с сумкой и этой тетрадью — и больше туда не возвращался. Всё, что было до, он не хранил в памяти как историю. Он хранил это как список ошибок.

Дверь приоткрылась. Не со скрипом — осторожно, будто человек за ней боялся спугнуть тишину. На пороге стояла девушка.

Ей было около двадцати пяти. В её облике не было ни дерзости, ни полного отчаяния — только усталость, которая въелась под кожу. Пальто на ней было дорогое, но уже потрёпанное: пятно от дождя на плече, пуговица держалась на одной нитке — как та, что болталась на пальто самого Марка. Тёмные вьющиеся волосы прилипли к вискам от сырости. На правом запястье выцвела детская фенечка — синие нити почти облезли, но она её не снимала. Марк отметил: люди с такими фенечками редко врут. Но врут.

— Меня зовут Лия, — сказала она, и голос чуть дрогнул, но она его удержала. — Мне сказали, что вы умеете решать такие вещи.

— Садитесь. Рассказывайте.

Лия села на краешек стула, будто готова была сорваться и убежать, если всё окажется зря.

— С меня требуют деньги. Сто тысяч. Говорят, это долг бывшего. Он будто бы брал у них на какую-то виллу, а теперь говорят, что долг на мне. Они приходят каждый день. Стучат в дверь. Пугают сестру.

Она сжала пальцы в замок так, что костяшки побелели.

— Я могу заплатить. Часть уже перевела. Осталось пятьдесят тысяч. Если вы поможете — я отдам всё.

Марк смотрел на неё не как на жертву. Он смотрел как на источник данных. Каждое движение, каждый вдох — улика. Он заметил и то, что она четыре раза сказала «моя сестра» — и ни разу не назвала её по имени. Значит, имя она держала при себе. Значит, сестра была важнее денег, важнее страха, важнее всего. Это следовало запомнить.

— Как её зовут? — спросил он.

Лия вздрогнула.

— Аля. Ей семнадцать.

— Кто требует. Имена. Места, где встречались. Что говорили. Дословно.

И Лия заговорила. Не приукрашивая, не пряча стыд — выкладывая факты, будто надеялась, что если сложить их правильно, они сами превратятся в защиту. Марк слушал, не перебивая. Иногда делал короткие пометки в тетради — не фразы, а маркеры: «подъезд, 21:00», «голос — низкий, акцент», «Аля, 17».

Когда она закончила, он отложил ручку.

— Вы понимаете, что, если я возьмусь, это будет неаккуратно? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Это будет грубо. И это будет опасно. Для вас тоже.

— Я понимаю. Но если ничего не сделать, они сломают её. Алю.

Марк кивнул. Это не было согласием — это была фиксация факта: «принято».

— Идите домой. Будьте там. Не открывайте никому, кроме меня. Если кто-то постучит — не спорьте. Ждите.

Лия кивнула и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Марк остался один. Выдвинул ящик, проверил РШ — затвор ходит плавно, патрон на месте. Закрыл. Потом надел куртку и вышел на улицу.

Дождь стал тише, будто город затаил дыхание. Он шёл по наводкам Лии, не ускоряясь и не замедляясь, и считывал улицу как документ, из которого кто-то стёр важные строки. Подъезд, о котором она говорила: скол на плитке, замок, который не запирается до конца, сигаретные окурки у мусорки — один вчерашний, три сегодняшних. Значит, ждут. Значит, их минимум двое, и они стоят подолгу.

Он всё разглядел. Всё записал. Каждая деталь легла в тетрадь, как цифра в уравнение.

Потом зашёл в кофейню на углу. Пахло обжаренными зёрнами и чем-то домашним, что ему хотелось игнорировать. Он заказал ещё одну чашку чёрного, сел так, чтобы видеть вход и окно, и начал собирать план.

Телефон завибрировал. Костя. «Ты где? У меня статистика. Ты обещал объяснить дисперсию». Марк посмотрел на экран и убрал телефон, не ответив. Костя подождёт. Костя умел ждать: три года универа, пересдачи, куратор — он жил в мире дедлайнов, который Марку не был нужен и которому Марк завидовал на свой холодный манер: там всё сходилось к понятным ошибкам. Двойка. Долг. Скандал. Ничего общего с реальностью — только простые, честные провалы.

План был простой: привести бандитов туда, где они будут уверены в своей силе. К квартире Лии. Заставить их действовать — и ударить в тот момент, когда они решат, что победа уже у них в кармане.

Марк мысленно прошёл по каждому шагу. Двое у подъезда. Лия открывает. Двое заходят. Он входит следом. Двое — значит, двое. Всё учтено.

Так он думал.

Всё пошло по плану почти до конца.

Бандиты постучали в дверь — громко, уверенно, будто это жильё уже считали своим. Лия приоткрыла. Первый схватил её за волосы и потащил внутрь; Аля вцепилась в край двери, и её втащили следом. Второй заходил последним, оглядываясь на лестницу.

Он и остался ближе всех к двери.

И тут из соседней квартиры вышел Марк. В простой куртке, с пустой бутылкой в опущенной руке — обычный сосед, у которого закончилась своя.

— Эй, — крикнул он, и голос прозвучал пьяновато. — Добавки не найдётся? Моя закончилась.

Второй обернулся — на полсекунды. Полсекунды Марку хватило.

Он вошёл в проём и выстрелил. Первый рухнул, не поняв, что произошло, — Лия и Аля были за его спиной, в дальнем углу, и его силуэт закрывал их собой. Второго Марк вырубил отработанным, коротким движением — без лишней силы, без лишних секунд.

Но в квартире оказался третий.

Тот, кого не было в данных. Кого Марк не видел, потому что тот не курил у мусорки, не стоял в арке, не оставлял следов — он просто был внутри всё это время. И он бил быстро.

Удар пришёлся в висок. Мир на секунду рассыпался на осколки, пол поднялся навстречу, и Марк почувствовал, как земля бьёт по плечу. В левом ухе зазвенело — тонко, ровно, как сигнальный провод. Он не упал до конца — упёрся локтем, заставил себя остаться в сознании. Не потому что был сильнее. Потому что не имел права отключиться.

Лия стояла у стены, прижав к себе Алю, и смотрела на него — на этого чужого человека с бутылкой в руке, который только что перевернул её квартиру. И прошептала, сама не понимая, откуда берутся слова:

— Первая ошибка выжившего… верить, что всё учтено.

Марк поднял голову. В его взгляде не было ни упрёка, ни боли. Только холодная фиксация. Он достал тетрадь — прямо здесь, стоя на одном колене, с кровью на виске, — и записал её фразу дословно. Это была первая улика, которую ему подарили не расчётом.

Звон в левом ухе не стихал. И сквозь этот звон, как сквозь воду, пришло другое время.

Ему было пятнадцать. Он стоял в женском туалете старой школы на Восточной — парни загнали его туда, потому что женский туалет никто не проверял. Они смеялись, толкали, и каждый раз он повторял себе: «Отпор — это нехорошо. Насилие — это не выход». Так говорила мать. Так полагалось. И он никогда не отвечал — месяцами не отвечал, копя в себе то, что потом легло в тетрадь ровными строчками.

В тот день он ответил.

Он помнил только звук — глухой, как будто мир стукнул чьей-то головой об ободок унитаза. Один из них потом почти не встал. И Марк понял простую вещь, от которой у него внутри всё встало на место: насилие — это не позор. Это его сила. Единственная, которая работала без исключений.

На следующий день всё изменилось. Не для него — для него всё было всегда одинаково. Изменилась Настя. Она, которая сидела с ним на последней парте, смеялась над его рисунками и давала половину бутерброда, — посмотрела на него, как смотрят на разбитое стекло: с брезгливостью и страхом. И сказала одно слово. «Монстр». Больше она ничего не сказала. Одного слова хватило на восемь лет.

Дома его ждал ремень. Отчим бил так, как бьют не за вину, а за то, что виной стал сам факт твоего существования. Мать не защищала. Мать плакала и винила его: не хватало денег — значит, виноват он; отчим злился — значит, он его и разозлил, «заставил плакать». А потом

матери не стало — случайно, как говорят в таких случаях, когда хотят, чтобы никто не спрашивал. И после этого отчим стал бить сильнее. Злости стало некуда деваться.

В ту ночь Марк впервые применил своё открытие дома. Он не помнил, сколько раз ударил. Помнил, что стало тихо — по-другому тихо, которого в этой квартире не было никогда. Он собрал сумку, взял тетрадь — пустую, купленную неделей раньше, — и вышел на улицу. Был ноябрь. Ему было пятнадцать.

Тетрадь он назвал в то же утро: «10 ОШИБОК ВЫЖИВШЕГО». Не «видящего» — он давно перестал быть тем, кто только смотрит из укрытия. Выжившего. Потому что выжил.

Первая запись была сделана дрожащей рукой: «Ошибка №1: верить, что тебя слушают». Пятнадцатилетний Марк верил, что взрослые его слушают. Мать слушала сквозь слёзы — и всё равно винила. Учитель слушал — и отводил глаза. Мир не слушал вовсе. К утру мальчик зачеркнул эту строку — и много лет спустя так и не решил, что было хуже: верить, что тебя слушают, или верить, что однажды начнут.

Он стучался к Косте в три часа ночи. Мокрый до нитки, с разбитой бровью и тетрадью под курткой. Костя открыл, ничего не спросил. Ни тогда, ни за восемь лет после. Иногда Марк жил у него на кухне; чаще — на улице: вокзалы, подвалы, задние комнаты. Костя приносил ему еду и делал вид, что это остатки ужина, которых «всё равно никто не съест». Марк делал вид, что верит.

Звон в ухе стих так же внезапно, как начался. Марк вернулся в квартиру, в запах чужого страха и пороха. Время пошло дальше.

Третьего бандита он дотащил до стены, скрутил, прижал лицом к полу. Голова гудела, кровь стекала по виску, но руки работали — руки он всегда держал отдельно от головы.

Допрос был быстрым, чётким, без эмоций. Каждая фраза — как удар молотка по гвоздю. Через несколько минут у него было имя, адрес и понимание, куда ведёт цепочка.

Бывший. Тот, кто всё начал.

С первым Марк разобрался тихо: завернул в плед, вынес через чёрный ход, оставил там, где его не свяжут с этой квартирой. Второго — вырубленного — вывел на лестницу, усадил на ступеньку и наклонился к самому уху:

— Ты не помнишь моё лицо.

Парень закивал, не открывая глаз. И не открыл их, пока Марк не вышел.

К бывшему Марк пришёл под видом сотрудника службы проверки труб. Форменная куртка, планшет, спокойное лицо человека, которому платят за рутину.

Дверь открыл сам бывший — молодой парень, уверенный в себе, будто мир обязан ему всем. А за его спиной стояла девушка с новорождённым сыном на руках.

— Красивый ребёнок, — спокойно сказал Марк, глядя не на парня, а на малыша. — Вы, наверное, гордитесь.

Парень на секунду растерялся — не от слов, а от тона. В нём не было угрозы, но было что-то, от чего становилось не по себе.

— Да… да, конечно.

— Поможете кое-что занести? Трубы тяжёлые. Мне одному не справиться.

Парень кивнул, не задумываясь. Привычка быть полезным — вот и вся его слабость.

Они спустились в подвал. Темно, сыро, пахнет металлом. Как только дверь закрылась, Марк действовал быстро и точно: удар, короткая борьба — всё кончилось за считанные секунды. Парень осел на пол. Марк связал его и упаковал в чёрный мешок.

— Ты живой, — сказал он, глядя на мешок ровным голосом. — Связанный. Хочешь увидеть сына — выберись.

Он вынес мешок, закинул в багажник и повёз за город — к старому мосту ниже Заречья, где Тиховка течёт медленно и глухо, под ржавым камышом. Он скинул мешок в воду — не для того, чтобы убить. Для того, чтобы показать: «я могу забрать всё, что тебе дорого, и ты ничего не сделаешь».

Уравнение, как ему тогда казалось, было закрыто.

Когда Марк вернулся в офис, Лия уже ждала. Она держала конверт.

— Здесь остаток, — тихо сказала она. — Спасибо. — И, помолчав: — Он живой?

— Пока умный, — ответил Марк.

Лия кивнула, будто эти слова её успокоили. Она ещё не понимала, что «пока умный» — это не состояние человека. Это состояние ставки.

Марк взял конверт. Не пересчитывал. Деньги были не целью — целью было закрыть уравнение.

Он закурил у окна. Дождь всё ещё шёл, но уже тише. Стеклогорск будто выдохнул.

Потом сел за стол, открыл тетрадь на первой странице и вывел ровным почерком:

«Ошибка №1: учтено не всё. Третий не был виден. Причина: неполные данные. Слежка дала двоих — третьего внутри не предположил. Исправить».

Строка легла поверх старой, зачёркнутой детской записи — «верить, что тебя слушают». Тетрадь он переписывал много раз за восемь лет: детские ошибки стёрлись, но их следы оставались, как рубцы. Зачёркнутое не исчезает. Оно только перестаёт читаться.

Затем он встал, лёг на старый диван в углу кабинета и закрыл глаза. Три часа — столько, сколько нужно системе на перезагрузку.

Его быт был простым: диван, пачка сигарет, чашка, которую никто не мыл, и тетрадь, в которой жили не мысли, а улики. Никаких фотографий на стенах. Никаких личных вещей. Только инструменты. И один человек, который писал ему про дисперсию и ждал ответа дольше, чем стоило бы.

Три часа. Потом он встанет. И пойдёт дальше.

Он ещё не знал, что человек в чёрном мешке умеет плавать.

ГЛАВА 2. ОШИБКА №2: ВЕРИТЬ, ЧТО ДЕЛО ЗАКРЫТО

Тиховка ночью звучала иначе, чем днём. Днём она текла — лениво, по-домашнему, с плеском у бетонных свай старого моста. Ночью она глотала. Тяжело, беззвучно, как глотает то, что больше не собирается возвращать.

Мешок вздрогнул первым.

Потом внутри зашевелилось — сначала слабо, будто рыба билась о ткань, потом сильнее, с судорожной злобой человека, который понял, что жив, и что ему ещё умирать не дали. Узлы на мешке были затянуты добротно, но Марк вязал их в темноте подвала, спеша, и одна петля легла криво. Вода работала против узла восемь часов. Вода вообще работала против всего, что Марк считал законченным.

Мешок раскрылся изнутри, как панцирь.

Виктор Соболь — все звали его Соболь — выполз на камышовый берег на четвереньках. Рвался не к жизни. К воздуху. Лёг лицом в ил и не двигался, пока лёгкие не перестали гореть. Потом сел, огляделся: мост вдалеке, чёрная вода, ржавый камыш, ноль огней.

Он смеялся. Долго, надрывно, стоя на коленях в холодной жиже. Тот, кто его бросил, ошибся один раз — а однажды ошибётся ещё.

Он не знал имени соседа с бутылкой. Знал только, что тот шёл за бандой Соболя — и значит, шёл за тем, что стоит за бандой. А за бандой стоял Причал.

Соболь шёл к Причалу всю ночь. Пешком, по обочине, в одних промокших брюках, босые ботинки нёс в руке — шнурков не было. Утром он стоял у складов у моста, где Причал принимал людей, и говорило за него всё: разбитая связка, ссадины на запястьях, запах реки.

— Кто? — спросил его человек Причала без приветствия.

— Не знаю имени. Знаю подъезд, знаю квартиру, знаю, как он входит в роль. Он красивый ребёнок у меня на руках видел. — Соболь сглотнул. — Он сказал: хочешь сына увидеть — выберись.

Человек Причала посмотрел на него без сочувствия. Сочувствие на этом этаже города не работало.

— Зайдёшь к Шкиперу. Расскажешь ему. И запомни, Соболь: долг, который ты на ночь оставил на беременной девчонке, теперь долг Причала. Причал долги не забывает. Но и тех, кто их Причалу приносит, — тоже.

* * *

Марк проснулся через три часа и девять минут.

Девять минут — лишние. Он лежал ещё две минуты с открытыми глазами, записывая это в себя: сбой графика, причина — удар в висок, тело докушивает своё. В левом ухе тихо звенело, как гудит далёкий провод. Он потёр висок, встал, размял шею и пошёл умываться водой из-под крана, которая пахла ржавчиной — над складом не было нормальных труб, и он к этому привык.

Быт его начинался одинаково: вода, зубы, чёрный кофе, который он заваривал дважды — для крепости, не для вкуса. Хлеба в шкафу не было, и не было потому, что Марк не закупал хлеб. Он покупал еду по ходу дня — ровно столько, сколько съест до ночи. Это не была экономия. Это был принцип: не хранить лишнего. Лишнее — это то, что можно найти.

Он открыл тетрадь и перечитал вчерашнюю строку. Потом посмотрел на вторую чистую страницу — девять их оставалось — и пока ничего не написал. Ошибки не планировали. Они находили его сами.

Телефон завибрировал. Костя.

«Ты живой вообще? Я дисперсию сам разобрал, оказалось несложно. Ты мне должен бутылку. И завтрак. Я в универ к одиннадцати, если что»

Марк прочитал дважды. Набрал коротко: «живой. вечером». И убрал телефон. Костя писал так, будто мир состоял из завтраков и пересдач — и в какой-то степени так и было, просто не в том городе, где ходил Марк.

* * *

Сигналы начали приходить к полудню.

Первый — мелочь: у офиса, внизу, у склада, стояла машина, которой он здесь не видел. Не своя, не хозяйская, не полицейская. Марк прошёл мимо, не повернув головы, и записал номер в память — а в тетрадь не стал: пока это был шум.

Второй — не мелочь: в кофейне на Пушечной, куда он зашёл за второй чашкой, за стойкой стояла она.

Настя не смотрела на него. Руки делали привычное: лопатка, помол, полоскание. Она постарела на восемь лет — или, наоборот, из неё вышло всё детское, и осталось что-то собранное, сухое, взрослое. Волосы собраны. Имя на бейджике Марк не вчитывался; вчитываться в неё он не имел права.

Он заказал чёрный, положил деньги, забрал чашку. Ни один мускул не дрогнул — он тренировал это восемь лет. И восемь лет это не работало внутри.

Она поставила рядом с его чашкой вторую — сахар, молча, не глядя, — и Марк понял, что она его узнала. И что восемь лет она несла в себе то же слово, что произнесла однажды. «Монстр». Сахар стоял на столе как улика: он не просил его, никто не просил, значит, она положила — значит, она помнила, что он всегда брал два.

Марк выпил кофе и ушёл, не оглянувшись. В тетрадь это не попало. Внутри — попало.

* * *

Третий сигнал пришёл к вечеру, и он был не сигналом — он был выстрелом.

У подъезда, где он оставил тело первого из бандитов — завернутого в плед, вынесенного через чёрный ход, — Марк не нашёл того, что оставил. Тела там не было. На месте лежал только плед, аккуратно сложенный, и записка без подписи: «Мы пришли за своим».

Марк стоял над пледом минуту. Город гудел вокруг — трамвай, кто-то ругался в арке, собака на цепи. Потом достал тетрадь и вывел вторую строку — вторую за восемь лет взрослой жизни и вторую за сутки:

«Ошибка №2: верить, что дело закрыто. Закрытых дел не существует. Существуют дела, о которых ещё не сообщили тебе. Тело забрали. Не случайные люди. Причина: я проверил подъезд, но не проверил, кто ходит по городу за своими».

Он смотрел на строку и понимал простую вещь: бандиты, которые приходили к Лии, не были самостоятельными. Они были руками. А у рук всегда есть тело.

* * *

У Причала тело Соболя не вызывало эмоций — оно вызывало расчёт.

Шкипер — человек лет пятидесяти, с ладонями портового рабочего и глазами бухгалтера — выслушал Соболя, не перебивая, потом посмотрел на Гриву, который пришёл вместе с известием о пропаже своего бойца.

— Трое твоих, — сказал Шкипер Гриве. — Один мёртвый, один забытый, один выкупленный. В Стеклогорске это не происшествие. Это письмо.

— Письмо кому? — спросил Грива.

— Это мы выясним. — Шкипер повернулся к Соболю. — Ты теперь наш. Не потому что я тебя жалею. Потому что тот, кто с тобой сделал это, знал, куда положить мешок. Тиховка — наша вода. Он бросил тебя в нашу воду, Соболь. Это не случайность — это вызов. И кто-то из нас двоих на него ответит.

Соболь кивнул так, будто от этого зависела его жизнь. Он ещё не знал, что это зависит — от обоих.

В ту же ночь на подъезде Лии сменили окурки. Новые. Свежие. И их было не два и не три.

Их было шесть.

ГЛАВА 3. ОШИБКА №3: ВЕРИТЬ, ЧТО РАЗГОВОР — ЭТО ЗАЩИТА

Приглашение принесли под дверь. Плотный конверт без марки, внутри — карточка: бильярдный клуб «Зелёный слон», четверг, девять вечера, и одна строка: «Разговор о городе». Подписи не было. В Стеклогорске о городе так говорили двое: проповедники на вокзале и Циркач. Проповедников Марк не слушал.

Циркачем его звали потому, что он умел говорить. Гладко, красиво, с паузами в нужных местах — так, что кровь под его словами не пачкала пол. Он держал «Арену»: подпольные бои, игорные подвалы, крыши мелких лавочек. За пять лет «Арена» выросла из цирка в цирковую программу всего города, и все знали: если Циркач зовёт на бильярд — он не зовёт играть.

Марк пришёл в девять. Его встретили двое в чёрном, обыскали — движениями людей, которые делают это чаще, чем едят, — и провели внутрь. Красное дерево, зелёное сукно, дым. За столом стояли двое: сам Циркач — невысокий, подтянутый, с гладко зачёсанными назад волосами и голосом конферансье, — и незнакомец в дорогом костюме и тонких очках. Второй смотрел на Марка, как бухгалтер смотрит на цифру, которая не сходится.

— Марк, — Циркач кивнул на стол. — Играть умеешь?

— Немного.

— Тогда сыграй. Разговор будет долгим, а долгий разговор без игры — это проповедь.

Первые два удара Циркач отвёл на вежливость. На третьем заговорил по делу.

— Город гниёт, — сказал он, гоняя шар вдоль борта. — Пять семей, сорок бригад, и каждая тянет кусок на себя. У «Причала» склады, у речных — причал, у мелочи — подъезды. Каждый день кто-то стреляет из-за копейки. Я хочу один город, Марк. Один порядок. Порядок — это когда все платят одному и никто не воюет. Ты знаешь, как я это сделаю?

— Убьёшь пиратов, — сказал Марк. — Получишь флот. Флот — это те же пираты, только с бюджетом и флагом.

Циркач засмеялся — коротко, легко, как смеются люди, которым смеяться разрешено реже, чем дышать.

— Ты говоришь как старик.

— Я говорю как человек, который считает. — Марк вышел к столу, примерился и забил сложный шар в среднюю. — Порядок не бывает «вообще». Он бывает в чьих-то руках. Вопрос всегда один: в чьих. Ты говоришь «в моих» — и через год окажется, что за твоей спиной тоже стоит кто-то, для которого твой порядок — статья расходов.

Незнакомец в очках впервые подал голос:

— А ты знаешь, кто стоит за тобой?

— Никто, — сказал Марк. — Поэтому я и живу.

Циркач и человек в очках переглянулись — на полсекунды, но Марк это заметил. Так переглядываются не от сюрприза. Так переглядываются, когда при третьем лице произносят четвёртое имя.

— Хорошо, — сказал Циркач. — Ты мне не нравишься. Из-за этого я тебя и слушаю. Я хочу, чтобы ты работал на «Арену». Не на меня — на дело. Город станет чище, а ты станешь частью порядка. Согласен?

— Нет.

— Причины?

— Ты собираешься навести порядок так, как наводят порядок на стройке: сначала снести, потом посмотреть, что там было. А там, под старым порядком, лежит новый. Тот, кто сносил, не знает, кому он платит. И не узнает — потому что от этих не приходят счета. От них приходят люди.

— Счета, — повторил Циркач, и в его голосе прозвучала первая настоящая нота — не интерес, а оскорблённая гордость. — Я не прошу верить мне на слово, Марк. Я прошу смотреть. Тебе дают шанс войти в структуру. Люди за это платят. Ты получаешь даром.

— Даром ничего не получают. Даром дают приманку.

Последняя фраза была ошибкой. Марк заметил это в момент, когда она выходила изо рта, — слишком поздно. Циркач улыбнулся ровно так, как улыбаются тем, кого ещё не решили.

— Ты играешь лучше, чем говоришь, — сказал он. — Доигрывай.

Партия закончилась в одиннадцать. Марк выиграл чисто — без поддавков, без пикировки, шар за шаром. Циркач смотрел, как падают его шары, и улыбался, и чем больше падало, тем меньше оставалось улыбки.

— Ты дороже, чем я думал, — сказал он на прощание. — Это комплимент. И предостережение.

— Знаю, — сказал Марк. — У меня было одинаково с обоими.

Он пошёл в туалет — из приличия: после трёх часов за столом с людьми, которые держат город, в туалет ходят, чтобы не давать им повода думать, что их не боятся.

Дверь была приоткрыта. Внутри горел свет и работала вода — слишком старательно, как будто её включили нарочно, чтобы было слышно.

Марк толкнул дверь и понял всё за полсекунды.

Циркач сидел на толчке — не от нужды, а потому что его туда поставили. Изо рта у него торчал кий — обломанный, с зелёной насадкой, — и он держался за него руками, как держатся за поручень. Глаза у Циркача были открыты и уже не видели. Двое в чёрном заканчивали — коротко, без суеты, движениями людей, которым платят за скорость, а не за удовольствие.

Марк не успел закрыть дверь — не успел и отступить. Один из двоих обернулся быстрее, чем Марк рассчитывал, и удар пришёл не в висок, а в скулу — плохо, нечисто, от злости, а не от расчёта. Марк качнулся, поймал спиной дверной косяк и услышал, как за стенами клуба

— по всем этажам, сквозь музыку и зелёное сукно — поднимается гул. Не шум. Гул — так звучит здание, когда его режут.

В ту же минуту по городу, в четырёх точках одновременно, люди из других банд делали то же самое: подвалы, игорные, бойцовский зал — всё то, чем Циркач держал город. Резали труппу, а не клоуна: клоуна уже закончили здесь.

Второй в чёрном шагнул было к Марку — и третий голос из-за двери сказал коротко, вполголоса: «Не он». Человек в очках стоял на пороге и протирал тонкие очки платком — и в его взгляде не было ни угрозы, ни любопытства. Только отметка в графе.

Марк вышел через чёрный ход, во двор, в дождь. На костяшках у него была чужая кровь, в ушах — гул, который не хотел кончаться. Он вытер лицо рукавом — медленно, по-хозяйски, как вытирают стол, за которым ели, — и за время этого жеста понял главную вещь.

Так не убирают банду. Так закрывают проект. «Арена» была не бандой — «Арена» была счётом, который кто-то сверху закрыл в один вечер. И человек в очках, который в бильярдной сидел дальше всех от туалета и ближе всех к ответу, остался жив по той же причине, по которой жив Марк: они оба были не в графе «убрать», а в графе «оставить. пригодится».

Костя ждал его у выхода — без предупреждения, в толпе студентов, выплеснувшихся из универского крыла на дождливый тротуар. Он был с четырьмя: Витёк — громкий, в растянутом свитере; Дэн — с телефоном, который он подносил к столу чаще, чем к уху; Мила — тихая, с книгой, которую держала как оружие; и Алёна — звонкая, в светлом пальто слишком яркого цвета для ноября.

— Марк! — Костя замахал так, будто его было видно с орбиты. — Иди с нами. Мы в «Ампир». Мила умеет драться за столом, а Дэн — платить. Ты давно не ел, я вижу это по твоему лицу.

Марк собирался сказать «нет». Он собирался сказать это так же спокойно, как говорил всё остальное, — и поправил часы.

— До десяти у меня отрезано, — сказал он. — Потом я уйду.

— Отлично! — Костя окинул взглядом циферблат, как окидывают билет. — Двадцать минут на ресторан — это по-твоему отрезано?

— Это всё, что у меня есть, — сказал Марк и пошёл с ними.

Он не любил рестораны. Но Костя был единственным человеком в городе, который звал его в места, где нет смысла, и Марк ходил туда из уважения к аномалии.

В «Ампире» они сели у окна. Алёна села напротив — и Марк считывал её так же, как считывал подъезды: данные налицо, выводы не в его пользу. Витёк говорил громко, потому что громкость заменяла ему мнение. Дэн считал чужие деньги, потому что своих не было и не предвиделось. Мила молчала умнее, чем говорила, — она заметила, что Марк садится спиной к стене, и не спросила, почему; из всех за столом она одна поняла бы, объясни он, — но объяснять он не собирался. А Алёна была назойливой — вопросами, которые выдавали не интерес, а привычку к вниманию.

— Вы чем занимаетесь? — спросила она Марка между вторым и третьим.

— Бумаги, — сказал Марк.

— О, — Алёна просияла, будто нашла родственную душу. — Мой папа тоже с бумагами возится. Он офицер. Не в патруле, а в серьёзном — у него даже дома папки такие, что мама ругается, — она замахала рукой, будто хотела взять слова обратно, и передумала. — Он на даче сейчас. С мамой. С ночёвкой, второй раз за год, представляешь? Значит, у них хорошо, да?

— Значит, — сказал Марк.

Он не спросил больше ничего. Ничего и не требовалось: данные уже легли. Офицер. Серьёзный. Папки, которые прячут от жены. Дача с ночёвкой. Ноутбук — дома. Люди думают, что прячут тайны. Они их объявляют — с салатом и горячим.

В клуб «Гвоздь» пошли все. Марк поехал по той же причине, по которой сел в «Ампире»: аномалию нельзя оставлять без наблюдения, аномалии приучаются.

Алёна танцевала так, будто мир ей был должен, и у стойки нашёлся пьяный, который счёл, что долг пора возвращать. Он взял её за запястье — крепко, по-хозяйски, — и что-то сказал в ухо, от чего она дёрнулась.

Марк подошёл не спеша. Он положил руку на руку пьяного — не сжал, просто положил, как кладут ладонь на плечо друга, — и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.